

СИБИРСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ГЕОРГИЙ МАРКОВ: ЖИЗНЬ, КНИГИ, ДОКУМЕНТЫ

Во второй половине 1950-х – конце 1980-х гг., на протяжении более трех десятилетий, в литературно-общественной жизни страны и в государственной политике в области литературы и искусства существенную роль, а во многом уникальную и определяющую, играл бессменный руководитель Союза писателей СССР Георгий Моисеевич Марков (1911–1991).

В 1956–1971 гг. он был секретарем правления Союза писателей СССР. Фактически – «вторым секретарем» (официально такой должности не существовало) при руководителях всесоюзной писательской организации А.А. Суркове, Н.С. Тихонове и К.А. Федине. В 1971 г. он стал первым секретарем правления, в 1986–1989 – председатель правления Союза писателей СССР. В 1979–1990 гг. – председатель Комитета по Ленинским и Государственным премиям в области литературы, искусства и архитектуры при Совете министров СССР. Именно в качестве председателя Комитета по Ленинским и Государственным премиям, а не в качестве руководителя Союза писателей, он вручал 31 марта 1980 г. в Кремле Ленинскую премию Л.И. Брежневу за его трилогию «Малая земля», «Возрождение», «Целина» и, как было сказано в официальной формулировке решения о присуждении премии, «за неустанную борьбу за мир».

В 1966–1990 гг. он был членом ЦК КПСС. В 1960–1980-е гг. избирался депутатом Верховного совета СССР нескольких созывов. А в 1983–1984 гг. занимал совсем необычную для литературно-общественного деятеля должность: председателя Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный совет СССР.

Георгий Марков был уроженцем Сибири.

Сибирь стала сквозной темой всего его творчества – художественного, публицистического, литературно-критического. Его романы и другие произведения – от написанных в «шолоховском» возрасте в 1930-е гг. «Строговых», удостоенных в 1951 г. Сталинской премии, до опубликованных посмертно повести «Старый тракт» и воспоминаний о сибирской комсомольской юности «Не поросло быльем» – посвящены сибирским темам: историко-революционной героике начала XX в. («Сибирь»), первым послереволюционным коммуна в Сибири («Отец и сын»), разведке и освоению природных богатств Западной Сибири, в частности, нефти и газа («Соль земли»), старым партийным руководителям («Земля Ивана Егорыча») и новому поколению сибирских партийных работников («Грядущему веку»).

Почти все романы его были экранизированы в советские годы (по «Строговым», «Соли земли» и «Грядущему веку» сняты многосерийные

² Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University. *Kasatkin V.N.* Collection. Memoirs.

³ Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University. Golovachev Collection. Box # 1. *Головачев М.П.* Сибирское движение и коммунизм. Рукопись.

Golovachev M.P. Sibirskoe dvizhenie i kommunizm. Manuscript.

⁴ *Балмасов С.С.* Белоэмигранты на военной службе в Китае. М., 2007. С. 334.

Balmasov S.S. Beloemigranty na voennoy sluzhbe v Kitae. Moscow, 2007. P. 334.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 8. Л. 236.

State Archive of Russian Federation (GA RF). F. R-6599. Op. 1. D. 8. L. 236.

⁶ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 2175. Л. 1.

Russian State Historical Archive (RGIA). F. 323. Op. 9. D. 2175. L. 1.

⁷ Там же. Л. 10б.

Ibidem. L. 1v.

⁸ *Писаревская Я.Л.* Две России в Манчжурии: социальная адаптация и реэмиграция (20-е – начало 30-х гг. // Новый исторический вестник. 2000. № 2. С. 53–58; *Кротова М.В.* Русские эмигранты в межвоенной Маньчжурии: манипуляции с гражданством как стратегия выживания // Новый исторический вестник. 2012. № 2 (32). С. 67–71.

Pisarevskaya Ya.L. Dve Rossii v Manchzhurii: sotsialnaya adaptatsiya i reemigratsiya (20-e – nachalo 30-kh gg. // Novy istorichesky vestnik. 2000. No. 2. P. 53–58; *Krotova M.V.* Russkie emigranty v mezvvoennoy Manchzhurii: manipulyatsii s grazhdanstvom kak strategiya vyzhivaniya // Novy istorichesky vestnik. 2012. No. 2 (32). P. 67–71.

⁹ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 2175. Л. 39.

RGIA. F. 323. Op. 9. D. 2175. L. 39.

¹⁰ Там же. Л. 25.

Ibidem. L. 25.

¹¹ Там же. Л. 32.

Ibidem. L. 32.

¹² ГА РФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 10. Л. 151.

GA RF. F. R-6599. Op. 1. D. 10. L. 151.

¹³ АВП РФ. Ф. 08. Оп. 13. П. 104. Д. 101. Л. 12.

Archive of Foreign Policy of Russian Federation (AVP RF). F. 08. Op. 13. P. 104. D. 101. L. 12.

¹⁴ РГВА. Ф. 308. Оп. 3. Д. 340. Л. 74.

Russian State Military Archive (RGVA). F. 308. Op. 3. D. 340. L. 74.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 14. Л. 51–52.

GA RF. F. R-6599. Op. 1. D. 14. L. 51–52.

¹⁶ *Kasatkin V.N.* Memoirs.

кинофильмы). В 1976 г. ему была присуждена Ленинская премия, денежную часть которой писатель в полном объеме перечислил на строительство библиотеки в родном селе Ново-Кусково Асиновского района Томской области.

С томской землей связана самая первая публикация будущего писателя. Об истории этой публикации Георгий Мокеевич рассказывал так: «Пасли мы с одним батраком, который был постарше меня, кулацкий скот – овец. Однажды мы ушли в деревню, верст за пять, чтобы помыться в бане. Вернувшись, увидели страшную картину: волки растерзали четырех овец. Не успели мы оправиться от растерянности, как появились наши хозяева – два рослых мужика. Ременными бичами они избили пастуха, круглого сироту из прибалтийских беженцев империалистической войны. Влетело и мне, но не били: побоялись отца. Он был силач, замечательный стрелок... Обуреваемый гневом против наших хозяев-кулаков, я не пошел на личную месть, а написал заметку в газету “Томский крестьянин”». Эту свою первую корреспонденцию я отнес за 12 километров в другую деревню... и, затаив дух, стал ждать. В заметке говорилось, что на полях Вороно-Пашенской волости развелось много волчьих стай, что они губят скот... а власти взирают на все это с полным равнодушием. Заметку поместили. Разумеется, она была почти заново переписана, но заголовок остался мой: “Волки одолели”»¹.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. Георгий Марков – студент-вечерник Томского государственного университета. А после переезда в Новосибирск на комсомольскую работу (он был редактором журнала «Товарищ») его университетская учеба стала фактически заочным самообразованием. Он вспоминал: «Мы были загружены работой. Но чтение было возведено в культ, страсть. Ради него не спали ночей»².

В новосибирский период Георгий Мокеевич тяжело переболел тифом, причем выходила его будущая жена Агния Александровна Кузнецова, представившаяся в больнице сестрой больного и выхлопотавшая праводенно и ночью находиться при «брате».

С родителями Георгия Мокеевича связывали отношения глубокого взаимного интереса: его литературные опыты были дороги им, а их судьба нашла отражение в каждом из его романов. Так, историко-революционный роман «Отец и сын» полностью основан на реальных событиях того непродолжительного времени, когда отец писателя Мокей Фролович Марков был председателем Васюганской коммуны в Приобской пойме. Рассказы о томском большевистском подполье в романах «Строговы» и «Сибирь» также не лишены биографической окраски. В начале 1910-х гг. Мокей Марков служил надзирателем в Томской пересыльной тюрьме, где и познакомился с большевиками-подпольщиками. А еще раньше отец писателя путешествовал по Нарымской тайге в поисках новых охотничьих угодий. Его размышления о путях развития таежных промыслов и охране кедр-

ча Георгий Марков вложил в уста главных героев «Строговых» – Матвея Строгова и деда Фишки.

С охотничьей средой сам Георгий Мокеевич непосредственно связывал зарождение собственного литературного творчества: «Однажды отец меня послал со стана в деревню. Я подходил к ней ранним утром. Стоял март. Вокруг широкие заснеженные просторы. Лес оголился, так как шапки снега, лежавшие на сучьях, подтаяли и рухнули на землю. Небо высокое, ясное, охваченное солнечным светом. Подхожу к своей деревне. Слышу: колодцы скрипят петухи горланят, доносится стукоток из овинов – хлеб молотят. И у меня такое рождается чувство, будто праздник вокруг, я начинаю что-то бормотать вполголоса, а потом пою громко и увлеченно. Так и вхожу в избу, не замечая ничего. Мать встретила и говорит: “Наверно, добычу хорошую принес, что-то больно весел”. Это ощущение полноты жизни, весь этот мир, полный света и солнца, вызвали во мне желание рассказать обо всем, что я чувствую, другим»³.

* * *

В последние годы жизни Георгий Мокеевич вспоминал свое детство с тем большим воодушевлением и благодарностью, чем более непростой оказывалась для него окружающая современность. На даче в Переделкино мы с ним часами ходили по дорожкам, и он, довольный тем, что я выбрал профессию историка, рассказывал о тайге, об обычаях охотников и быте крестьянских семей, об истории сибирских переселенцев. Память у него была исключительной: он называл десятки имен односельчан разных поколений, в точности описывал маршруты охотников в тайге, места заимок, повадки зверей и птиц. И все это с подробностями, с диалогами, в лицах.

Вот один из любимых его рассказов.

Уже зрелым писателем и общественным деятелем приехал он в Ново-Кусково. Разговорился с другом отца, местным охотником. «Ну что, Егорий, – спрашивает тот, – ты там в Москве охотишься ли?» – «Да нет, не получается». – «Рыбалишь ли?» – «И на рыбалку времени нет». – «Э-э, Егорий, – сокрушенно произносит старый охотник, – ты в Москве шибко долго-то не задерживайся, а то совсем одичаешь».

* * *

Георгий Марков всю жизнь ощущал себя сибиряком. Если его детство и юность прошли в Томске, Новосибирске, Омске, то в зрелом возрасте два десятка лет (1936–1956 гг.) он прожил в Иркутске. Только в январе 1956 г., в 45 лет, он переехал в Москву на волне «оттепельного» по своей сути фадеевского призыва новых литературных руководителей из регио-

нов в столицу. Несколько месяцев до гибели А.А. Фадеева в мае 1956 г. Г.М. Марков успел поработать под его руководством.

После переезда в Москву Георгий Марков не просто интересовался жизнью родного края – он постоянно бывал в Сибири. Чаще всего – в Томске и Томской области. Сам писатель отмечал: «Я постоянно поддерживаю и возобновляю связи со своим родным краем. Езжу туда каждый год»⁴. Несколько лет он был депутатом Верховного совета СССР от Горного Алтая, куда часто приезжал по депутатским делам. Встречам с Алтаем посвящен очерк «Преображение Алтая», опубликованный в первом издании его собрания сочинений⁵.

Но именно с Томском и томичами связь Георгия Мокеевича была наиболее тесной и кровной, в буквальном смысле слова. Его братья и сестры (в семье Георгий Мокеевич был тринадцатым ребенком) оставались жить в Томске и области. Переписка с родителями, братьями и сестрами составила основу его эпистолярного архива. Это – его самая ранняя и наиболее личная часть, как и, например, переписка военных лет с женой – писательницей Агнией Александровной Кузнецовой (1911–1996). Братья и сестры Георгия Мокеевича пишут брату в Иркутск о трудностях деревенской жизни в 1940–1950-е гг., о попытках преодолеть крайнюю материальную скудость повседневного существования. Агния Кузнецова рассказывает мужу о проблемах и радостях Иркутской писательской организации, фактическим руководителем которой она была в 1941–1945 гг., когда практически все иркутские писатели-мужчины ушли на фронт. Конечно, пишет она и о родителях, о старшей дочери Ольге (младшая, Екатерина, родилась уже после войны). Переписку с родными Георгий Марков бережно хранил, атрибутировал недатированные письма, на первых листах входящих писем отмечал дату посланного им ответа на письмо.

* * *

В начале 1930-х гг., в период жизни в Новосибирске, Георгий Мокеевич тяжело переболел тифом, причем выходила его будущая жена Агния Александровна Кузнецова, представившаяся в больнице сестрой больно-го и выхлопотавшая право денно и нощно находиться при «брате».

Правда, когда «брата» приехали навестить родители, «сестра» едва успела скрыться из виду. Но уже в следующем году, 1932-м, он пишет родителям, что в родное село Ново-Кусково придет в отпуск не один, а товарищем. Геннадий Игнатов, томский краевед и исследователь творчества писателя, так передает со слов Георгия Мокеевича обстоятельства того приезда домой: «Увидев идущих к дому гостей, Евдокия Васильевна [Мать Г.М. Маркова. – Ф.Т.] со свойственным ей юмором прошептала Мокою Фроловичу: "Мокеша, посмотри-ка, вон ведь Готя идет с товарищем, а товарищ-то ведь в юбке, однако". Так Агния Кузнецова впервые

побывала в Ново-Кускове, которому она вскоре посвятит повесть «В Чулымской тайге». Образ главного героя этой повести подростка Готи явно написан с натуры.

* * *

Трепетное отношение Георгия Маркова к документу и архиву сформировал и культ книги и чтения, характерный для его сибирской юности, и понимание уникальности любого документа – живого и полнокровного свидетельства о прошлом. Это особенное отношение к документу проявилось двояко: как в остром интересе к самостоятельному научному поиску (библиотечному и архивному), так и в основательном и продуманном хранении личного архива.

О навыке, интересе и вкусе к исследовательской работе красноречиво говорит свидетельство писателя, относящееся к периоду работы над романом «Соль земли»: «Там некоторые страницы посвящены описанию быта староверов. Я знал, что староверческие монастыри за бесценнок скупали у местного населения пушнину и продавали ее английским, французским и другим европейским купцам. В связи с этим я получил письмо, подписанное восемью научными работниками, в котором решительно отвергался факт существования скитов в этом районе Сибири. Но я опять-таки был твердо убежден в своей правоте. Понимая, что рассказов моего отца тут совершенно недостаточно, я проделал большую и сложную работу. Поехал в Томский музей и в его фондах нашел скарб одного староверческого скита. Там оказались вещественные доказательства моей правоты. Стал я искать и печатные подтверждения и нашел их в малоизвестной книге профессора Томского университета протоиерея Беликова «Томский раскол». Моим ученым оппонентам стыдно было не знать эту книгу. К чему я это рассказываю? А к тому, что критику надо слушать, принимать во внимание, но нельзя при первом же замечании в твой адрес отказываться от своих убеждений, от своего опыта, приобретенного годами»⁶.

Или другой пример исследовательской основательности писателя. Отдельной сюжетной линией в романе «Грядущему веку» представлена сквозная для всего творчества Георгия Маркова тема поиска и освоения природных богатств Сибири, в особенности нефти и газа. Образ старого геолога Софронникова, примкнувшего к геологоразведочной партии, чтобы поделиться опытом самостоятельного поиска новых месторождений в Западной Сибири, основан на кропотливой работе писателя с рукописями, дневниками и опубликованными трудами томского профессора М.А. Усова, предсказавшего и подробно описавшего направления и особенности разведки и добычи полезных ископаемых в томских недрах. Более того, писатель встречался с уренгойскими и тюменскими нефтяниками и газовиками, учеными, руководителями отрасли. В личном архиве

Георгия Мокеевича хранятся сотни страниц сделанных им конспектов работ М.А. Усова и публикаций о сибирской геологоразведке. Также в материалах архива представлены редкие издания трудов выдающегося исследователя Сибири Г.Н. Потанина с многочисленными маргиналиями Георгия Маркова.

Столь же внимательное отношение к историческому источнику сказалось и на состоянии личного архива Г.М. Маркова. Документы архива классифицированы по датам, разложены по папкам и конвертам с подробными заголовками, раскрывающими содержание каждой папки. В некоторых случаях листы писем, не пронумерованные авторами, пронумерованы получателем. То же касается собственных рукописей или материалов третьих лиц (рукописей, присланных на отзыв, материалов редакций газет и журналов, членом редколлегии которых он состоял): если в документах отсутствовали даты, то они каждый раз вписывались самим фондообразователем – Георгием Марковым.

Намерение передать личный архив и библиотеку на государственное хранение в Томск сформировалось у Г.М. Маркова задолго до начала самой передачи собрания. Летом 1990 г., за год с небольшим до смерти, он отправил 44 коробки книг из личной библиотеки с автографами писателей в Научную библиотеку Томского государственного университета (к тому времени первая часть книг с автографами уже была передана Г.М. Марковым во второй половине 1970-х гг. в фонды вновь построенной сельской библиотеки в Ново-Кусково Асиновского района Томской области). Если библиотечную часть собрания Георгий Марков успел отправить в Томск еще при жизни, то материалы его личного архива (рукописи романов, повестей, рассказов, очерков, статей и выступлений; материалы служебной и личной переписки; материалы творческой истории его литературных произведений; рецензии; документы третьих лиц) были переданы на государственное хранение его внуком, автором этой статьи, в 2006–2012 гг.⁷ Передача документальных материалов еще будет продолжаться.

В настоящее время завершено библиографическое описание и составление каталога собрания книг с автографами. Благодаря материалам личного архива Г.М. Маркова удалось уточнить данные о ряде его малоизвестных публикаций, нашедших отражение в подготовленном томскими библиографами биобиблиографическом указателе⁸. Подробное описание книг с автографами и характеристика некоторых документов архива Г.М. Маркова приведены в исследованиях непосредственно работающей с архивом Н.В. Гончаровой (Научная библиотека Томского государственного университета)⁹.

Хотя основу архива любого писателя составляют, как правило, источники его творческой деятельности, по количеству листов едва ли не большую часть документальных материалов личного фонда Г.М. Маркова составляет переписка. Кроме уже упомянутых писем родных (братьев Ивана и Федора, сестер Прасковьи, Зои, Антонины), в архиве Г.М. Маркова – огромная по объему и крайним датам (1935–1989 гг.) переписка с друзьями. Примечательно, что круг корреспондентов-друзей сохранялся примерно одинаковым на протяжении многих десятков лет, что свидетельствует о дружбе крепкой и, не будет преувеличением сказать, нерушимой. Среди друзей большинство составляли писатели – томские, иркутские, новосибирские, красноярские. Это – Александр Смердов, Афанасий Коптелов, Иван Молчанов-Сибирский, Иннокентий Луговской, Анатолий Ольхон и другие. При переезде писателей-сибиряков в Москву (например, Вадима Кожевникова и Сергея Сартакова) переписка прекращалась, уступая место постоянному личному общению.

В материалах личной переписки сохранились фактически потаенные, полные полунамеков письма того периода, когда в 1935 г. в ходе партийных чисток Г.М. Марков был исключен из ВКП(б) и едва избежал ареста, скрывшись в тайге. В партии он был восстановлен в 1946 г., и в дальнейшем во всех официальных биографиях Г.М. Маркова указывалось, что он был членом партии с 1946 г. То есть в официальных документах его партийный стаж убавлен более чем на 10 лет.

* * *

Незадолго до смерти, летом 1991-го, Георгий Мокеевич, уже написавший «в стол» воспоминания о комсомольской юности и молодости, в том числе об арестах и репрессиях (в значении «арест» он почему-то непременно употреблял слово «посадки», а в ответ на мое недоумение уточнил, что тогда, в 1937–1938 гг., в Сибири говорили именно так: «посадки») рассказал мне свой сон.

Ему приснился Сталин. Но не в прошлом, а в настоящем. Будто бы он вышел из Спасских ворот Кремля к памятнику Минину и Пожарскому, там остановился и стал пристально смотреть на нас – деда и внука, каким-то образом в ранний рассветный час оказавшихся на Красной площади. «И я подумал, участником какой исторической встречи, какого великого события ты оказался», – сказал мне дед. Кругом бурлили общественные дискуссии о Сталине и сталинизме, не оставлявшие равнодушным и меня, в те месяцы постулавшего в Историко-архивный институт. В пылу несогласия

с трактовкой такой «встречи» со Сталиным как «исторической» и «великой» я стал резко возражать, на что услышал: «Ты же хочешь быть историком! Умей различать масштаб явления и оценку явления. Это не одно и то же».

* * *

Сохранились письма военного времени. Фронтовой опыт Георгия Маркова, служившего военным корреспондентом на Забайкальском фронте и участвовавшего в боевых действиях против японских войск, отражен в военной прозе писателя – повестях «Орлы над Хинганом» и «Моя военная пора». По мотивам этих произведений была снята кинодиалогия – «Приказ: огонь не открывать» и «Приказ: перейти границу».

Особенно много в архиве Г.М. Маркова писем историка-краеведа из г. Асино Томской области Геннадия Ивановича Игнатова, посвятившего несколько десятков лет скрупулезному исследованию биографии писателя и истории его семьи. Его перу принадлежит несколько историко-биографических трудов о жизни писателя¹⁰. В воссоздании истории семьи Марковых по архивным документам и личным свидетельствам Г.И. Игнатов нашел свой призвание. Неоднократно он специально прилетал из Томска в Москву, чтобы уточнить у Георгия Мокеевича последовательность или детали событий, связанных как с биографией самого писателя, так и с эпизодами из истории семьи. В Томске и области Г.И. Игнатов встречался с сестрами писателя, его близкими и дальними родственниками, друзьями юности, сибирскими литераторами. В подробных письмах-отчетах Г.И. Игнатов рассказывал своему «персонажу» о находках и встречах, нередко уточняя и исправляя те биографические данные, которые казались бесспорными другим литературоведам, и восстанавливая факты, о которых уже не помнил сам Георгий Мокеевич.

Материалы творческой деятельности в архиве Г.М. Маркова составляют рукописи романов «Строговы», «Соль земли», «Отец и сын», «Сибирь», «Грядущему веку». Каждая из рукописей сохранилась в нескольких редакциях (вариантах) – от ранних авторских до прошедших издательское редактирование («Приказ: перейти границу») и готовых к публикации. Самые ранние наброски первого романа «Строговы» относятся к 1935 г. (автору 24 года). Ранние рукописи «Строговых» написаны в тонких ученических тетрадях, убористым, местами крайне мелким почерком, почти без помарок и исправлений, разными чернилами (видимо, не очень высокого качества, поскольку местами текст угасает приметнее, чем во входящих письмах, датированных тем же периодом и написанных более качественными чернилами).

К рукописям каждого из романов примыкают сопутствующие документы: переписка с руководством и редакторами издательств, авторские экземпляры издательских договоров, а также вырезки из газет и целые номера газет и журналов с рецензиями на опубликованные романы.

Роман «Строговы», например, как свидетельствуют архивные документы, обсуждался на творческой конференции в Иркутске в апреле 1941 г. и вскоре должен был быть издан, но началась война. Издание обеих книг романа осуществилось только пять лет спустя – в 1946 г., в Восточно-Сибирском книжном издательстве.

Неопубликованная повесть Георгия Маркова «Старый тракт», посвященная Томску начала XX в., в черновиках названа «Макушинской повестью», поскольку в центре повествования – судьбы не только вымышленных героев, но и просветительская и книгоиздательская деятельность реального исторического лица: известного сибирского общественного деятеля Петра Ивановича Макушина (1844–1926), особенно почитаемого в Томске.

* * *

Последняя повесть Георгия Мокеевича «Старый тракт» долго оставалась неопубликованной. При жизни ему в публикации отказали и вернули рукопись, не особо заботясь о корректности ответа. Время «секретарской» литературы, как полагали, прошло. Стало позволительно безнаказанно ругать, огульно злословить, изошренно клеветать. Деду доставалось сильно: в газетах и журналах, в телепрограммах и радиопередачах говорили много обидного и несправедливого (это при том, что личная скромность Г.М. Маркова, как и многих из тогдашних руководителей, была притчей во языцех). Как-то раз мы с ним гуляли на Патриарших прудах. Помню, я недоумевал: «Такие ужасные вещи пишут. Многие же знают, что это все неправда. Почему же ты им не ответишь, не заступишься за себя?» Он долго молчал, потом произнес с удивительным спокойствием: «Ну, чего-то они, видно, недопоняли». И ни слова осуждения или упрека в адрес тех, которые «недопоняли».

* * *

Н.В. Гончарова, исследовавшая архив Г.М. Маркова, выявила немало документов о его служебной и общественной деятельности, ранее не отраженных в биографических сочинениях о писателе: «...Например, отчет о поездке Г. Маркова с группой писателей в скандинавские страны в

марте 1958 г. Они посетили Данию, Норвегию и Швецию с целью знакомства с творчеством зарубежных писателей и налаживания контактов с теми редакциями и издательствами, которые выступали за сближение с Советским Союзом. Кроме подробного отчета, материалы содержат переводы некоторых газетных статей, касающихся международных связей. Эта командировка не отражена в перечне основных дат жизни и творчества Г. Маркова, которая приводится в Биобиблиографическом указателе, изданном в Томске к 95-летию писателя, она не упоминается в биографиях, но является примером активной деятельности Г. Маркова в первые годы его секретарства в Союзе писателей»¹¹.

Особую и очень многочисленную группу документальных материалов составляют поздравления Г.М. Маркову по случаю праздников и юбилеев. Таких поздравлений – многие сотни. Они свидетельствуют о его общественном значении и статусе как руководителя Союза писателей СССР. Среди открыток и телеграмм – поздравления от Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко, М.С. Горбачева, от многолетнего первого секретаря Томского обкома КПСС (в 1965–1983 гг.) и близкого друга писателя и его семьи Е.К. Лигачева, от первого секретаря Свердловского обкома КПСС Б.Н. Ельцина, от руководителей союзных республик, от советских послов в зарубежных странах.

Г.М. Марков умел быть благодарным учеником и младшим товарищем. В его архиве – рукописи воспоминаний и заметок (почти все они опубликованы в его собраниях сочинений) о литературных наставниках – Исааке Бабеле, Вячеславе Шишкове, Константине Федине, Николае Тихонове.

Изобразительные материалы в архиве Г.М. Маркова представлены фотографиями посещения им Томска, Асино и родного села Ново-Кусково в 1975, 1976, 1979 гг. (приезд на родину в 1979 г. был последним в жизни Г.М. Маркова посещением Томской области), фотографиями, сделанными во время служебных командировок, дней и декад советской литературы в Азербайджане, Грузии, Узбекистане, Башкирии.

Некоторая часть личного архива Г.М. Маркова еще остается в Москве. В ближайшее время оставшиеся документальные материалы будут также перевезены в Томск, что позволит завершить формирование личного архивного фонда Г.М. Маркова в Научной библиотеке Томского государственного университета. Использование материалов этого фонда, их археографическое освоение и научное описание внесут существенный вклад в исследование и понимание сложных, противоречивых и плодотворных этапов истории русской литературы и общественной жизни новейшего времени.

Примечания

¹ Марков Г.М. К юности. М., 1980. С. 133.

Markov G.M. K yunosti. Moscow, 1980. P. 133.

² Марков Г.М. Собр. соч. В 5 т. Т. 5. М., 1982. С. 493.

Markov G.M. Sobr. soch. In 5 vols. Vol. 5. Moscow, 1982. P. 493.

³ Марков Г.М. К юности. С. 134.

Markov G.M. K yunosti. P. 134.

⁴ Марков Г. Собр. соч. В 5 т. Т.5. С. 145.

Markov G.M. Sobr. soch. In 5 vols. Vol. 5. P. 145.

⁵ Марков Г.М. Собр. соч. В 5 т. Т. 5. С. 262–267.

Markov G.M. Sobr. soch. In 5 vols. Vol. 5. P. 262–267.

⁶ Там же. С. 137.

Ibidem. P.137.

⁷ Сутормина Е. Филипп Тараторкин подарил Научной библиотеке рукописи деда // Комсомольская правда – Томск. 2007. 8 февр.

Sutormina E. Filipp Taratorkin podaril Nauchnoy biblioteke rukopisi deda // Komsomolskaya pravda – Tomsk. 2007. Febr. 8.

⁸ Георгий Мокеевич Марков: Биобиблиографический указатель. Томск, 2006. Georgiy Mokeevich Markov: Biobibliograficheskiy ukazatel. Tomsk, 2006.

⁹ Гончарова Н.В. Документ творческого архива Г.М. Маркова как исторический источник // Документ: история, теория, практика. Томск, 2012. С. 396–400.

Goncharova N.V. Dokumenty tvorcheskogo arkhiva G.M. Markova kak istoricheskiy istochnik // Dokument: istoriya, teoriya, praktika. Tomsk, 2012. P. 396–400.

¹⁰ Игнатов Г.И. Истоки, 1986; Игнатов Г.И. У истоков творчества: Очерки. Воспоминания. Асино, 2006; Игнатов Г.И. У истоков творчества (К 100-летию со дня рождения Г.М. Маркова): Очерки. Воспоминания. Асино, 2010.

Ignatov G.I. Istoki, 1986; Ignatov G.I. U istokov tvorchestva: Ocherki. Vospominaniya. Asino, 2006; Ignatov G.I. U istokov tvorchestva (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya G.M. Markova): Ocherki. Vospominaniya. Asino, 2010.

¹¹ Гончарова Н.В. Указ. соч. С. 396–400.

Goncharova N.V. Op. cit. P. 396–400.